

"Мещанство победит и должно победить", - пишет Герцен в 1864 году в статье "Концы и начала". "Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство - окончательная форма западной цивилизации".

* Статья написана в 1906 году.

Трудно заподозрить Герцена в нелюбви к Европе. Ведь это именно один из тех русских людей, у которых, по выражению Достоевского, "две родины: наша Русь и Европа". Может быть, он сам не знал, кого любит больше - Россию или Европу. Подобно другу своему Бакунину, он был убежден, что последнее освобождение есть дело не какого-либо одного народа, а всех народов вместе, всего человечества, и что народ может освободиться окончательно, только отрекаясь от своей национальной обособленности и входя в круг всечеловеческой жизни. "Всечеловечество", которое у Пушкина было эстетическим созерцанием, у Герцена, первого из русских людей, становится жизненным действием, подвигом. Он пожертвовал не отвлеченно, а реально своей любви к Европе своей любовью к России. Для Европы сделался вечным изгнанником, жил для нее и готов был умереть за нее. В минуты уныния и разочарования жалел, что не взял ружья, которое предлагал ему один работник во время революции 1848 года в Париже, и не умер на баррикадах.

Ежели такой человек усомнился в Европе, то не потому, что мало, а потому, что слишком верил в нее. И когда он произносит свой приговор "Я вижу неминуемую гибель старой Европы и не жалею ничего из существующего", когда утверждает, что в дверях старого мира - "не Катилина, а смерть", и на лбу его цитероновское: "vixerunt", - то можно не принимать этого приговора, - я лично его не принимаю, - но нельзя не признать, что в устах Герцена он имеет страшный вес.

В подтверждение своих мыслей о неминуемой победе мещанства в Европе Герцен ссылается на одного из благороднейших представителей европейской культуры, на одного из ее "рыцарей без страха и упрека", на Дж<еймса> Ст<юарта> Милля.

"Мещанство, - говорит Герцен, - это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст<юарта> Милля, которая всем владеет, - толпа без невежества, но и без образования... Милль видит, что все около него пошлеет, мельчает; с отчаянием смотрит на подавляющие массы какой-то паусной икры, сжатой из мириад мещанской мелкоты... Он вовсе не преувеличивал, говоря о суживании ума, энергии, о стертости личностей, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из нее общечеловеческих интересов, о сведении ее на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния. Милль прямо говорит, что по этому пути Англия делается Китаем, - мы к этому прибавим: и не одна Англия".

"Может, какой-нибудь кризис и спасет от китайского маразма. Но откуда он придет, как? Этого я не знаю, да и Милль не знает". "Где та могучая мысль, та страстная вера, то горячее упование, которое может закалить тело, довести душу до судорожного ожесточения, которое не чувствует ни боли, ни лишений и твердым шагом идет на плаху, на костер? Посмотрите кругом - что в состоянии поднять народы?"

Христианство обмелело и успокоилось в покойной и каменистой гавани реформации; обмелела и революция в покойной и песчаной гавани либерализма... С такой снисходительной церковью, с такой ручной революцией - западный мир стал отстаиваться, уравниваться".

"Везде, где людские муравейники и ульи достигали относительного удовлетворения и уравнивания, - достижение вперед делалось тише, и тише, пока наконец не наступала последняя тишина Китая".

По следам "азиатских народов, вышедших из истории", вся Европа "тихим, невозмущаемым шагом" идет к этой последней тишине благополучного муравейника, к "мещанской кристаллизации" - китаизации.

Герцен соглашается с Миллем: "Если в Европе не произойдет какой-нибудь неожиданный переворот, который возродит человеческую личность и даст ей силу победить мещанство, то, несмотря на свои благородные antecedents и свое христианство, Европа делается Китаем".

"Подумай, - заключает Герцен письмо неизвестному русскому, - кажется, всему русскому народу, - подумай, и у тебя волос станет дыбом".